

Клубные встречи

На московской премьеры фильма "Кавказский пленник" в Доме кино был суший "лом" (я, скажем, просто на полу сидел). А незадолго до этого картина Сергея Бодрова успешно прошла на Каннском фестивале в программе "Пятнадцатидневник режиссеров", получив приз ФИПРЕССИ и приз зрительских симпатий. На счету Бодрова-режиссера, напомним, фильмы "Сладкий сок внутри травы", "Непрофессионалы", "СЭР (Свобода — это рай)", "Катала", "Я хотела увидеть ангелов", "Белый король, красная королева". Разговор, однако, мы начали не с киношных дел, а с житейского случая, постигшего Бодрова буквально накануне.

Сергей БОДРОВ:

Вег. клуб - 1996 - 15 июня - с 8.

Я до того азартный человек, что ограбил родную бабушку

— Стою на Кутузовском, ловлю машину. Половина двенадцатого ночи. Останавливаются "Жигули" — три человека. Выходит парень такой симпатичный — немой. Что-то мне объясняет знаками. "Слушай, я ничего не понимаю". Он наклоняется, за штанину меня держит, я тоже наклоняюсь — и чувствую: его рука ко мне в задний карман — раз! И я понимаю, что он у меня вытащил деньги. Я рассердился, говорю: "Отдавай!" Он вынимает нож, и в машине дверь открывается, кто-то еще выходит. Я говорю: "Все-все, ребята, все нормально..."

— А в Калифорнии у вас с этим как?

— Там у меня, с одной стороны, спокойнее, а с другой... Это место у океана, Венис-Бич: там живет не очень богатая богема. А рядом — пять минут на машине — "черный" район. И там стреляют днем и ночью. Но к нам не приходят — как-то там между собой разбираются.

— Обидно: приехать на родину — и...

— Там была небольшая сумма. Потом, это не самая большая беда, которая может с тобой случиться на родине. Есть такой поэт. Пригов некий, он когда-то написал замечательные строчки: "Чем больше родину мы любим, тем меньше нравимся мы ей". Я с этим очень согласен. Обидней, когда читаю здесь прессу по своей картине — и иногда не понимаю вообще, о чем пишут. Снисходительный такой тон... Один критик под псевдонимом написал три четверти статьи о том, как он служил в Советской Армии: что он там делал, что пил... Это вообще-то никакого значения не имеет. В мире это важно, что пишет пресса, а здесь — нет. И я, конечно, не хочу никого обижать, но мне важнее, что пишут "Вэрайт", "Ле Монд", "Интернэшнл Геральд Трибюн".

— Московская премьера "Кавказского пленника" так символично совпала с вероятным поворотом к лучшему в чеченской вой-

не. А когда вы работали над этим фильмом — не было ли у вас такой идеалистической мысли типа того, что искусство как-то способно повлиять на жизнь?

— Я, честно говоря, был увлечен самой историей. Меня спрашивают: почему не указано — "по Толстому"? Но, во-первых, на эту тему писали и Пушкин, и Лермонтов, и замечательное стихотворение написал Арсений Тарковский, и у Макакина был "Кавказский пленник". И потом, мы так радикально обошлись с толстовским сюжетом, что мне показалось неловко ставить в титры Толстого. Мы же не можем спросить разрешения: "Хотите вы поставить свое имя, Лев Николаевич?" Но там есть эпизод в классе, где на доске написано: "Тема сочинения — Л.Н. Толстой "Кавказский пленник".

— То есть титр как бы есть.

— Но его не все замечают. И еще — там у Толстого ясно, на чьей он стороне. А мы не могли делать сейчас картину и быть очевидно на какой-то одной стороне. Идет война, и обе стороны и правы, и неправы.

— Ваш сын Сергей хорошо сыграл рядового Жилина, несколько не потерявшись рядом с Меньшиковым. У него был какой-то актерский опыт?

— Нет. Это было для меня решение довольно смелое, потому что я в принципе всегда относился отрицательно к тому, когда режиссеры снимают своих детей. Но тут так случилось — я его взял в последний момент. Я хотел снимать в этой роли замечательного актера, но посмотрел их вместе с Меньшиковым — и не сложилась пара. И я попробовал Серегу своего. У меня большой опыт работы с непрофессиональными актерами, тут если точно угадаешь человека — дальше важно просто не мешать. Я, конечно, очень волновался — но он, по-моему, справился.

— А чем он занимается?

— Он сейчас заканчивает

аспирантуру Московского университета: история искусств, венецианская архитектура и живопись XVI века — очень нужная специальность.

— Дефицитная.

— Нарасхват... В Канне у него спрашивали: "Как вам работало с отцом?" Он говорил: "Ужасно. Он со всеми был такой вежливый, а на меня орал, оскорблял. Никогда больше не буду с ним работать". Хотя всегда добавлял: "Я понимаю — у него такая тяжелая работа, надо разряжаться". Да, я был с ним суров и считал, что это на пользу делу. Но вообще у нас очень хорошие отношения.

— Меньшиков помогал?

— Очень. Актер такого класса мог дебютанта просто задавить — места бы мокрого не осталось. Но Меньшиков очень умный, хороший партнер.

— Вы производите впечатление мягкого человека, а режиссура — дело жесткое.

— Знаете, Леша, я был мягким человеком, но жизнь заставила: я научился очень жестко расставаться с людьми. Я даже со своими близкими друзьями, которые у меня работают в группе: одна ошибка — и мы расстаемся. Я редко кричу на площадке, но один раз за картину обычно случается скандал.

— Это связано с каким-то западным опытом?

— Нет, научился этому, я думаю, здесь. И когда у меня спрашивают, какая разница между работой на Западе и здесь, говорю: то же самое, только там ланч привозят тебе на площадку вовремя. А принцип работы тот же самый, и там тоже моментально понимают, кто есть кто. Я впервые попал на съемки в Америке, когда приятель-режиссер снимал по моему сценарию. И у всех там важных людей на площадке стоял стулья с их фамилиями. Я посмотрел — и стула со своей фамилией не обнаружил. Какой-то там русский сценарист... И решил постоять, посмотреть, как они снимают кино. И в первый же съемочный

день предложил сменить главного актера. Они на меня посмотрели как на сумасшедшего: "Да ты что?!" Я развел руками: "По-моему, он не годится". Режиссер был категорически против. Но они посмотрели материал — и актера сменили. На следующий день я опять постоял, посмотрел, подошел к продюсеру и сказал: "Знаешь, надо менять лайн-продюсера (это директор картины)". Все опять на меня посмотрели соответственно. Но на следующий день сменили лайн-продюсера. И когда я пришел на четвертый день — смотрю: уже стоит стул с моей фамилией. Я сел, посидел пять минут и сказал: "Все, стул уберите — я сейчас уезжаю". Но теперь знаю, что, когда я приеду, мне выставят стул.

— Вы ведь и начинали в кино как сценарист.

— И написал чудовищную кучу всяких комедий, совершенно цинично к этому относился. Многих никогда и не видел. А до того меня выгнали со второго курса энергетического института. Я был картежник, просто больной человек, ручки тряслись. Азартный очень человек.

— Ага, потому-то и сняли "Каталу" — о профессиональном картежнике. Были удачливы?

— Кончилось тем, что я ограбил родную бабушку, забрал все ее сбережения, накопленные за жизнь. Она меня, конечно, простила. Потом долго, лет 25, не брал в руки карты.

— Это был преферанс?

— Какой преферанс — очко! По-американски — "блэк джек". Самая такая простая игра. И меня выгнали за академическую неуспеваемость, за хроническую ложь, за аморальное поведение — просто волчий билет дали. Но я там начал писать. Я не сдавал экзамены, и меня просили писать объяснения. И я писал такие "романы" — о якобы своих романах с замужними женщинами, трагедии всякие. И они зачитывались, хоть и понимали, что я вру. Но через два года

не выдержали и меня выгнали. И я пошел работать осветителем на "Мосфильм". И начал писать короткие рассказы — начинал на 16-й полосе "ЛГ". И Илья Суслов, который тогда там работал, а сейчас давно уже живет в Вашингтоне, меня как-то спросил: "Что ты ходишь так — старые штаны, стоптанные ботинки?" А у меня была зарплата 60 рублей. Иди, говорит, учиться на сценарный факультет ВГИКа — сценаристы много зарабатывают. Я говорю: "Но туда ж берут всех по блату". — "Иди попробуй". Я попробовал — и меня взяли.

— Но впоследствии из сценаристов перешли в режиссуру.

— Что-то хотел сказать серьезное. И это как раз совпало с изменениями в обществе.

— Почему ваши первые картины связаны с Казахстаном?

— Как-то случайно туда судьба забросила. Я очень люблю вообще Восток — у меня девочка растет в Алма-Ате, 10 лет, играет на скрипке...

— Ну не только Восток — женились-то потом на американке.

— Да. Она была фэшн-фотограф, снимала манекенщиц, зарабатывала много денег. И я ее разорил: она оставила свой бизнес, мы переехали в Москву. И пока мы были здесь, все ее имущество сгорело в пожаре. И мой чемодан. И мы начали все с нуля. Для меня этот чемодан был очень дорог.

— Я знаю, что было в чемодане у Довлатова, по его одноименной книжке. А у вас-то что там были за драгоценности?

— У меня там был мой любимый пиджак, какие-то ботинки, несколько записных книжек, рубашка — ну какие-то дорогие для меня вещи. Все сгорело. И я делал картины здесь и не собирался там работать, зная, что в Америке придется начинать все сначала. Но в 92-м уехал туда — просто прийти в себя, потому что дико устал. Последнюю картину, которую здесь делал — "Я хотела увидеть ангелов", просто мука была снимать: инфляция, денег нету, люди работать не хотят. "Я вам заплачу". — "Зачем нам твои деньги — мы на них ничего не можем купить". Снимаешь милиционерскую машину — на следующий день ее нет. Где машина? Начальник милиции ее продал...

И я поехал туда, у меня были какие-то деньги, которые я заработал. К сожалению, во время отдыха мы заехали в Лас-Вегас. Я проиграл пятьсот долларов и пошел спать. Ночью я встал, спустился вниз — и проиграл практически все деньги, которые у меня были. Почувствовал себя очень глупо: люди в Америку приезжают зарабатывать — а я все деньги потратил. Я ничего не сказал жене, она была в счастлилом неведении. Мы жили в маленькой гостинице на берегу океана, и я мучительно думал: что же теперь делать? И позвонил моему приятелю, американскому режиссеру из Нью-Йорка, и сказал: придумаю для меня историю. А когда нужны деньги, у меня голова очень хорошо работает. Я придумал историю, он прилетел в Лос-Анджелес, и мы написали хороший сценарий за три недели. А еще через неделю он был продан за большие довольно деньги.

— В Америке вы заявили о себе как сценарист. А как насчет режиссуры?

— У меня сейчас пропал тот азарт: поставить картину в Америке. Мол, отметился как сценарист и хочу отметить как режиссер, а потом могу и не снимать, но не потому, что вы меня не хотите, а потому, что я сам не хочу. Но это наивное чувство у меня сейчас пропало — потому что я хочу снимать только то, что мне действительно очень интересно.

— Что же именно?

— Есть несколько проектов. Сейчас, после Канна, мне легче: наша картина прошла успешно. И она — а это важно — возвращает деньги. Так что сейчас со мной люди еще больше хотят работать. Как написали в одной из статей: "Художник, который делает деньги". Это не совсем так — но в общем...

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.